

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ АБСТРАКТНАЯ И КОНКРЕТНАЯ

Несмотря на обилие взглядов, мнений и подходов к вопросу о рациональности, в среде исследователей отсутствует согласие по поводу исходного стартового основания (понятия), позволяющего восходить к действительному пониманию сути проблемы по мере ее усложнения. Речь идет о том «исходном начале», «клеточке», служащей базисом всякого научного познания. Подобное «начало» должно с необходимостью фиксировать то всеобщее, что будет характерно для исследуемого предмета на всех этапах его развития, начиная с момента зарождения и обретения своей самости по отношению к другому и заканчивая последними этапами эволюции, когда сам предмет становится другим. В диалектической традиции такое «всеобщее» имеет название «абстрактно-всеобщего» и фиксирует то «одинаково-общее», что свойственно предмету на различных ступенях его формирования¹. И это общее выражает его основную конструкцию, составляющую первичное (исходное) отношение данного предмета, поэтому оно постоянно воспроизводится на всех последующих этапах дальнейшего развития.

Леонтьева Елена Юрьевна — д-р филос. наук, доц. Волгоградского государственного технического университета (e-mail: leont@avtlg.ru, philos@vstu.ru)

В качестве такого исходного пункта анализа нами выбрано понятие «рациональность вообще». Для выявления основных характеристик данной теоретической конструкции проанализируем феномен, с которым человек сталкивается в реальной эмпирической жизни и который в ходе его восприятия и осознания получает название «рациональность». Только уяснив на уровне предствления, что же являет собой рациональность, мы можем определить ее вообще, выделив те качества, которые остаются безразличными по отношению к каждой отдельной ступени движения и не схватывают ее конкретно-исторического содержания.

Подобный анализ приводит к выводу о том, что рациональность есть рефлексия, она характеризует не мир и не самого человека, а процесс взаимодействия между ними, именно поэтому ее основанием выступает тождество мышления и бытия. Акты рефлексии есть не что иное, как переживания особого рода, где поток переживаний может быть «схвачен и проанализирован с очевидностью», и в этом смысле рациональность это и есть осознание тех сущностных моментов нашего миропостижения, которое позволяет не только ухватить их, но и дать исчерпывающее описание.

Рефлексивный характер рациональности становится основанием для определения ее гносеологических характеристик: это умопостигаемость объективно общего, мыслимость, особый процесс овладения мыслью бытием, специфическое движение и улавливание сознательной деятельностью логики бытия. Последнее позволяет указать на значительную обусловленность рациональности онтологическими корнями. Наша способность воспринимать и постигать объективно общее, т. е. мыслить рационально, не могла бы реализоваться, если бы сам мир не был открыт для такого постижения. Мир не безликая и аморфная масса. Он многоцветен и разнообразен, при этом иерархичен и структурирован. Он *может быть* в основном познан рационально, и он открыт для такого познания. Таким образом, с одной стороны, мы не мыслили бы рационально, если бы умение это делать не было изначально заложено в нас как в *Homo sapiens*. И в этом смысле наша имманентная способность к рациональности «участна в бытии», т. е. мы конструируем бытие в соответствии с этой нашей способностью, мы видим это бытие таким потому, что способны его видеть таким, а не иным. С другой стороны, сам мир обуславливает реализацию этой нашей способности, так как он размерен и упорядочен, что проявляется в

многообразии его форм, множественности видов, существующими иерархиями на разных этапах развития. Все это свидетельствует об онтологической определенности рациональности. В своей совокупности гносеологические и онтологические характеристики обозначаем как внутренние составляющие основную конструкцию «рациональности вообще».

Однако такая рациональность безразлична и формальна по отношению к любому отдельному этапу ее развития, она свободна от всякого культурно-исторического и индивидуального бытия и ограничение рациональности только внутренними качествами привело бы к ее «истлению в области абстрактного»². Этого не происходит в силу того, что в процессе реализации внутренних определенностей рациональностью приобретаются характеристики внешние, среди которых можно выделить: аксиологический смысл, праксиологическую значимость, культурно-историческую и экзистенциальную обусловленности. Так, рациональность не может быть свободной от аксиологических воззрений, поскольку она несвободна от мышления, которое, как правило, ценностно ориентировано. Нивелирование этих принципов может сводиться даже к недопустимому минимуму, и в этом случае мы говорим о безумной и бездушной рациональности. Праксиологическая значимость подчеркивает практическую применимость рациональных знаний, их важность для жизнедеятельности людей. Культурно-историческая и экзистенциальная обусловленности определяют духовный контекст становления рациональности как в рамках эпохи, так и в пределах индивидуального жизненного мира.

В своей совокупности, взаимовлиянии, взаимодействии все указанные характеристики формируют тот или иной конкретный тип рациональности, который по существу есть ставшая рациональность, реализовавшая свои возможности, актуализировавшая свое бытие. Процесс обретения рациональностью своей действительности уже не может быть рассмотрен вообще, но только на примере становления ее конкретного типа.

Этот процесс также многообразен и разнопланов, как и те конкретно-исторические эпохи или ситуации, в рамках которых он осуществляется. Именно поэтому рациональность не ограничивается каким-либо одним типом, их возникает множество, при этом каждый из них по-своему уникален. Критерии типологизации обусловлены как степенью реализации, воплощенности внутренних опре-

деленностей, рациональности, так и количеством и качеством приобретенных внешних характеристик. Так, доминирование прагматических черт предопределяет развитие научной рациональности, акцентирование аксиологических моментов позволяет развиваться ценностной рациональности, социокультурные и экзистенциальные характеристики вносят свои нюансы в развитие уже оформившихся типов, позволяя появиться «типам внутри типа». Это многообразие во многом отражено в философской исследовательской литературе, где лейтмотивом звучит мысль о необходимости систематизации типов и создания их иерархической теории.

И еще следует обратить внимание на то, что неоднозначность оценки и самооценки типа рациональности есть следствие противоречивого характера самого ее типа. Противоречивость эта состоит в том, что в процессе актуализации рациональность обретает не только свое бытие, но и также свое инобытие, свое другое бытие. Факт осознания ею своей специфики, своей качественной определенности (своего типа) свидетельствует не только о том, что «определенность едина с бытием», но также и о том, что она, «положенная как отрицание, есть *граница, предел*»³. Другими словами, когда рациональность актуализирует себя как тип, она тем самым определяет свои границы, свой предел, потому что только в своих пределах данный тип есть то, что он есть, а не что-то иное. Но одновременно с этим граница есть то, что отрицает наличность бытия. Именно благодаря границе мы способны осознать другое и его собственное бытие в сравнении с бытием нашим.

Применительно к данному предмету исследования это следует понимать так, что актуализация бытия рациональности в ее определенном типе, с необходимостью предполагая границы этого типа, обуславливает тем самым и существование иных типов как «другого». Многообразие типов рациональности, таким образом, это естественное следствие процесса ее конкретизации.

¹ *Щитов А. А.* Становление диалектико-материалистической концепции формы и содержания. Ростов н/Дону, 1989. С. 11.

² *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974–1977. Т. 1. С. 231.

³ Там же. С. 230.